

ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНУЮ СИСТЕМУ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

В статье определяются внешнеэкономические приоритеты Российской Федерации на рубеже XX и XXI вв. и рассматриваются перспективы интеграции России в мировую глобальную экономическую систему.

В 1991 г. окончательно распались старые экономические связи РСФСР в рамках как СССР, так и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), поэтому России во многом приходилось выстраивать экономическое сотрудничество с другими государствами заново и на принципиально иной основе, не пронизанной какой-либо идеологией. На 90-е гг. прошлого столетия пришелся рост интереса азиатских и западно-европейских стран к природно-ресурсному потенциалу РФ (основные интересы стран ЕС и АТР лежали в области российских энергоресурсов), реформам системы российского управления, промышленного комплекса, началу либерализации внешнеэкономических связей в области торговли и инвестиций, открытию российского рынка для притока иностранного капитала и выработке Россией новой концепции внешней политики в области экономики, в том числе и по отношению к странам Западной Европы и АТР. В обозначенный период наряду с практически полной либерализацией внешнеторговых связей России происходил процесс открытия регионов, которые получили возможность самостоятельно развивать свои внешнеэкономические отношения с иностранными государствами, естественно, в рамках официального курса правительства РФ.

Вырабатывая на рубеже веков основные положения внешнеполитической и особенно внешнеэкономической концепции Российской Федерации, во внимание бралось то, что в новых условиях рыночного развития РФ и существующего многополярного мира Россия призвана в полной мере выполнять, прежде всего, свою «евразийскую миссию» и поэтому должна проводить активную политику как на азиатском, так и на европейском направлениях.

Традиционно Россия как часть культурно-исторического пространства Европы уделяла несравнимо больше внимания отношениям с ЕС. На Европейский регион приходилось свыше 60 % торгового оборота России, из них 40 % – на государства Европейского союза [6. С. 7–18]. Инвестиции из стран ЕС составляли 50 % прямых российских инвестиций. Этот факт объяснялся не только географической близостью центральных регионов России к Европе и общностью цивилизационного развития, но и совпадением долгосрочных интересов двух главных образований на евразийском континенте – Европейского союза и РФ.

Отношения России и ЕС в 1990-е гг. отнюдь не были образцом сотрудничества между Востоком и Западом, но развивались весьма благоприятно. Это отразили такие важные документы, как «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве» (1994 г.), «Общая стратегия ЕС в отношении России» (лето 1999 г.), ответная «Стратегия развития отношений Российской Федерации и Европейского союза на среднесрочную перспективу (2000–2010 гг.)» (осень 1999 г.).

С момента подписания «Соглашения о партнерстве и сотрудничестве» (СПС) в 1994 г. и вступления его в

силу в 1997 г. в документах ЕС и заявлениях его официальных лиц неоднократно подчеркивалось, что отношения с Россией относятся к числу важнейших направлений внешней политики Союза. Значение этих отношений для ЕС определялось двумя основными факторами: необходимостью обеспечения мира и безопасности в Европе, а также заинтересованностью в освоении возникающего обширного российского рынка.

Эти факторы имели долгосрочный характер, что в целом согласовывалось с долгосрочными интересами России в Европейском регионе, которые сводились к обеспечению мира и безопасности на западных рубежах и развитию взаимовыгодного сотрудничества, прежде всего экономического, с одним из наиболее развитых регионов современного мира.

Совпадение стратегических интересов создавало основу для устойчивого развития сотрудничества между Россией и ЕС. Однако существовали различия в приоритетности и интерпретации интересов.

Наиболее существенное противоречие российско-европейских отношений заключалось в разной оценке сторонами того, кто выступал главным партнером России в Европе. За 1990-е гг. РФ не смогла выработать единую и скоординированную политику по отношению к ЕС. Она поддерживала отношения по отдельности с Великобританией, Германией, Францией, Италией и другими странами, но отношений с Европейским союзом в целом не было. Тем не менее с конца 1970-х гг. внешнеэкономическая деятельность стран-членов союза перешла в ведение надгосударственных органов в Брюсселе, а с начала 1990-х гг. европейская интеграция, как известно, приобрела и внешнеполитическое измерение, которое должно было ликвидировать несоответствие между крупным экономическим весом ЕС в мире и малыми масштабами его участия в международных делах. Однако Россия продолжала воспринимать ЕС в одном ряду с прочими международными организациями (Совет Европы, НАТО, ООН), где решающая роль во всех вопросах принадлежала национальным правительствам. Во многом такая позиция России по отношению к Евросоюзу объяснялось тем, что в 1990-е гг. в российской теории международных отношений и во внешней политике преобладала концепция политического реализма, представляющая международные отношения хаосом, где каждая страна преследует лишь собственные цели.

Это было связано с тем, что современная российская наука о международных отношениях формировалась под сильным влиянием американских школ реализма и неореализма. Такой подход противоречил либерально-институционалистским взглядам, которые к тому времени доминировали в политическом мышлении Западной Европы и стали идейной основой европейской интеграции.

В Европе РФ столкнулась не с Realpolitik, а с принципиально иной моделью взаимоотношений стран региона между собой. Тем не менее Россия на протяжении

всего последнего десятилетия XX в., вплоть до выработки «Стратегии развития отношений Российской Федерации и Европейского союза на среднесрочную перспективу (2000–2010 гг.)» в 1999 г., считала ЕС региональным межгосударственным объединением, в котором наднациональный компонент не играл существенной роли, а все принципиальные решения совершенно самостоятельно принимались европейскими державами в соответствии с текущими требованиями хаотических по своей природе международных отношений.

Это принципиальное противоречие препятствовало благоприятному развитию двусторонних отношений, а также приводило к блокированию выполнения достигнутых договоренностей как в политическом, так и в экономическом плане [2. С. 25, 32].

Для Европейского союза наиболее значимыми становились ускорение процесса вовлечения России в Европу и поддержание тех сил, которые работали ради того, чтобы изменить российскую систему, сделать ее совместимой с европейскими ценностями и нормами. Основой данного целеполагания стало представление ЕС, что Россия и Европейский союз – «главные силы Европы». При этом РФ характеризовалась как центральный фактор безопасности континента, и в документах указывалось на ее большой экономической, торговый и научный потенциал [32].

Таким образом, успешное преобразование системы России и ее экономическое оздоровление сделали бы РФ предсказуемым партнером в достижении стабильности, и позволили облегчить усилия ЕС по постепенному расширению европейского интеграционного пространства на Восток.

Поэтому, выстраивая договорные отношения, Европейский союз, разработав в июне 1996 г. конкретные задачи, содержащиеся в так называемом «Плане действий», ставил определенную цель – поддерживать в России те силы, которые стремились к продолжению реформ и исходили из необходимости сотрудничества с Западом [19. С. 64; 25]. Но для западно-европейских государств и ЕС в целом при незначительной доле России в торгово-экономических связях Европейского союза, что, например, в 1995–1997 гг. составило 3,4–3,5 % внешней торговли ЕС, экономический фактор играл подчиненную роль. Прежде всего, все-таки, не ясна была перспектива сотрудничества с Россией, еще не достигшей внутренней стабильности и не убедившей Запад в необратимости процесса трансформации своей общественной системы [28. Р. 44, 48]. Становилось ясным, что смена приоритетов в ЕС и выдвижение на первый план его заинтересованности в экономическом сотрудничестве с Россией произойдет лишь после того, как тенденция к стабилизации и развитию реформ в нашей стране приобретет устойчивый характер.

Для России, напротив, наиболее важным стало развитие экономического сотрудничества, использование промышленного и научно-технического потенциала ЕС, а также западно-европейского опыта социально-ориентированного рыночного хозяйства, менеджмента, макроэкономической политики государства в целях создания эффективной экономической системы рыночного типа, преобразования и подъема российской экономики.

В так называемом «дальнем зарубежье» ЕС стал главным экономическим партнером России: на его долю при-

ходило более трети ее внешнеторгового оборота, тогда как доли США и Японии равнялись соответственно 7 и 4 %. Если же в целом говорить об удельном весе европейских стран, которые к середине будущего десятилетия должны были войти в ЕС или связать себя с ним соглашениями об ассоциации, то он равнялся 55 % [7; 24].

Для России ЕС становился важнейшим отправным пунктом к трансформации и партнерству. Сотрудничество с Европейским союзом обещало успех и одновременно противодействовало тому, чтобы РФ оставалась за «бортом» европейского процесса интеграции. Среди западных аналитиков существовало мнение, что в целом именно «Соглашения о партнерстве и сотрудничестве» может подвести Россию непосредственно к порогу формального членства в ЕС [19. С. 65]. В этом соглашении подчеркивалось намерение своевременно оказывать активное влияние на развитие России путем установления с ней институциональных связей и стимулирования реформаторских сил вместо того, чтобы оставаться в стороне и выжидать [32].

С точки зрения развития экономического диалога, «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве» между ЕС и Россией стало первым совместным, подписанным на высшем уровне документом, в котором западные страны рассматривали РФ в качестве страны с «переходной экономикой», перестраиваемой на основе рыночных принципов. В соответствии с таким подходом соглашение распространяло на нее общие нормы и правила, действующие в международных экономических отношениях, в том числе ряд важнейших правил ВТО, хотя Россия не являлась членом этой организации.

Кроме того, впервые в договорном порядке ЕС согласился увязать развитие экономического сотрудничества с перспективой «поэтапного сближения между Россией и более широкой зоной сотрудничества в Европе», в связи с чем было решено начать в 1998 г. совместное изучение возможностей создания свободной торговли между сторонами. Соглашение также содержало беспрецедентную по масштабам программу экономического сотрудничества.

Идея поэтапного сближения России с более широкой зоной экономического сотрудничества в Европе носила в соглашении рамочный характер. Не уточнялись ни содержание и последовательность этапов, ни институциональные рамки будущих отношений между Россией и ЕС.

Во многом это было связано с тем, что любая конкретизация расценивалась ЕС в качестве «прожектёрства», а западные политики не привыкли связывать себя сомнительными обязательствами.

Осуществление этой идеи и соглашения в целом в решающей степени зависело от того, насколько последовательно и с какой скоростью Россия будет продвигаться к рыночной экономике. По мнению аналитиков, реальная ситуация не давала оснований полагать, что это произойдет в короткие сроки. В лучшем случае, как показывал анализ выдвигаемых прогнозов, за ближайшее десятилетие Россия пройдет этапы экономической стабилизации и восстановления объемов ВВП, которые РФ получала до 1991 г., промышленного и сельскохозяйственного производств, которых она достигла во второй половине 1980-х гг. Но это лишь при условии, что экономический подъем начнется в самое ближайшее время и будет достаточно интенсивным. Непременной предпосылкой такого варианта должна была

стать социальной и политическая стабилизация, исключая приход к власти экстремистских движений, выступающих под популистскими, агрессивно-националистическими или некоммунистическими лозунгами [26. Р. 481].

Исходя из данного сценария, были выделены следующие возможные формы включения России в процесс европейской экономической интеграции [3. С. 35]:

- развитие торгового и экономического сотрудничества на основе принципа наибольшего благоприятствования, взаимно предоставленного ЕС и России в соответствии с заключенным Соглашением, при возрастающей либерализации движения товаров, услуг, капиталов;

- создание общей зоны свободной торговли на основе нового соглашения, к подготовке которого ЕС и Россия должны приступить, как только они придут к выводу, что условия для него сложились;

- включение России в европейское экономическое пространство, предусматривающее свободное движение товаров, услуг, капиталов и лиц (последнее, скорее всего, с определенными ограничениями для России, учитывая чувствительность западно-европейского рынка рабочей силы к массовой миграции иностранных трудящихся), а также высокую степень гармонизации экономического законодательства и макроэкономической политики России и ЕС.

Реально к концу установленного 10-летнего срока действия СПС Россия, как показала практика развития второй половины последнего десятилетия XX в. и первых лет XXI в., еще не будет готова к созданию общей зоны свободной торговли. Однако и в этом случае установление устойчивых и сбалансированных экономических связей между Россией и ЕС с высокой степенью либерализации обмена товарами, услугами и капиталами, а также при постепенном смягчении режима движения лиц, могло бы рассматриваться как значительный прогресс.

Анализ существующих форм сотрудничества России и ЕС в рассматриваемый период показывает, что важнейшей сферой оставалась внешняя торговля. При ежегодном увеличении на 5–7 % общий объем товарооборота между Россией и пятнадцатью членами ЕС демонстрировал тенденцию роста с 42,3 млрд долл. в 1996 г. до 95–96 млрд долл. в 2010 г. [27. Р. 95]. Такие темпы рассматривались как оптимальные, но они зависели от экспортного потенциала России. В 2000–2002 гг. свыше 50 % общего объема экспорта России в ЕС составляли поставки сырья и энергии, в то время как остальные секторы, за немногими исключениями (космонавтика, отчасти производство вооружений), едва выдерживали конкуренцию. Так, доля легкой промышленности и машиностроения в общем объеме внешней торговли России снизилась с 18 % в 1990 г. до 3 % в 2000 г. [6. С. 14].

В 1999 г. стала складываться благоприятная конъюнктура мирового рынка по сырьевым товарам, составляющим основу российского экспорта (топливно-энергетические товары, цветные металлы, продукция химической промышленности). Эта тенденция сохранилась в 2000 г. Так, в первом квартале 2000 г. внешнеторговый оборот РФ увеличился в стоимостном выражении на 36,5 %, в том числе со странами дальнего зарубежья – на 34,8 % [23. С. 3]. Главным фактором роста стоимостных объемов Российского экспорта явилось увеличение средних контрактных цен на 40,1 %, в том числе со странами дальнего зарубежья – на 46,3 % [16].

В первом квартале 2000 г. курс доллара к рублю увеличился на 21%. В результате девальвации рубля возросла ценовая конкурентоспособность отечественной продукции, частично заместившей импортные изделия на внутреннем рынке. Соответственно доля импортной продукции существенно сократилась с 30,6 до 25,7 % [6. С. 16]. Это дало возможность несколько оживить внутренний потребительский рынок.

В то же самое время, занимая 20-е место в мире по объему внешнеторгового оборота и испытывая финансовые трудности, Россия в ближайшей перспективе вряд ли была способна играть ведущую роль в международном перемещении товаров, услуг, капитала и смогла бы стабильно наращивать физические объемы поставок наиболее значимых для нее видов экспортной продукции [34; 14. С. 98]. Во многом это было связано с тем, что ожидаемые в ближайшие годы сравнительно невысокие темпы роста мировой экономики сдерживали рост спроса на сырье и энергоресурсы, а при замороженном объеме спроса расширить поставки этих товаров на внешний рынок Россия могла, лишь потеснив конкурентов, что было весьма проблематичным. Увеличивать экспорт сырья России не позволяла и ограниченная пропускная способность отечественной транспортной инфраструктуры. Кроме того, переход к импортозамещению и начало экономического роста неминуемо сопровождалось ростом внутреннего потребления ресурсов и сокращением физических объемов экспорта.

Необходимо отметить, что возможности увеличения экспорта нефти в страны Европейского союза за счет сокращения поставок в «ближнее зарубежье» практически были исчерпаны и единственным ресурсом оставалось сокращение внутреннего потребления. Экспортную выручку можно было увеличить путем замещения сырой нефти экспортом нефтепродуктов, но для этого необходимо было модернизировать нефтеперерабатывающую промышленность, что также требовало времени. Существенное расширение экспорта газа было возможным только после строительства и введения в строй на полную мощность нового магистрального газопровода Ямал – Беларусь – Польша – Германия. Можно было увеличить экспорт леса, руд, а также промежуточных продуктов (целлюлоза, химикалии и т.д.), однако все это не могло стать основой долгосрочной стратегии развития торговых связей как с Европой, так и с другими государствами дальнего зарубежья. Кроме того, опыт стран Центральной и Восточной Европы свидетельствовал, что включение в международное экономическое разделение труда требует проведения широких инноваций и модернизации производства, иначе России угрожает перспектива снижения ее статуса до поставщика сырья и энергии.

Таким образом, ключевой задачей стратегии развития торговых связей РФ становилось коренное изменение товарной структуры российского экспорта, в котором возрастающую роль должна была играть готовая промышленная продукция, в том числе относящаяся к товарам «высокой технологии». Однако для достижения конкурентоспособности необходима была серьезная техническая модернизация, что требовало значительных капитальных вложений. В условиях, когда большинство промышленных предприятий испытывало недостаток даже оборотных средств, рост инвестиций был маловероятен. Кроме того, в России отсутствовала сис-

тема государственной поддержки экспорта. Без этого, как показывает мировой опыт, весьма сложно обеспечить расширение машинно-технического и другого наукоемкого экспорта. В обозреваемый период, вплоть до 2010 г., в лучшем случае можно говорить о весьма умеренной тенденции к реструктуризации российского экспорта, а на реализацию стратегии торгово-экономического сотрудничества с развитыми странами, в том числе и ЕС, должно было уйти не одно десятилетие.

Кроме того, объемы импорта, исходя из прогнозов, во многом зависели от темпов восстановления покупательной способности предприятий и динамики валютного курса рубля. Чем быстрее увеличивался спрос и чем дольше рубль реально дорожал, тем раньше мог начаться рост импорта.

Вынужденный перенос акцентов на импортозамещающее развитие повлек за собой структурные изменения в импорте: снижение удельного веса пищевой и легкой промышленности, изделий элитного спроса, предметов роскоши.

Вместе с тем Россия должна была быть готовой к жесткой конкуренции с ЕС. Становилось очевидным, что в Западной Европе конкуренция проявится на рынках отдельных товаров и услуг, таких как черная и цветная металлургия, текстиль, отдельные виды химикалий, расщепляющиеся материалы, запуски коммерческих спутников и т.д. В странах бывшего СЭВ стремление России хотя бы частично восстановить торговые связи сталкивалось с курсом ЕС на закрепление своего доминирующего положения в этом регионе. Однако наиболее острая конкуренция ожидалась на рынках самой России и ее партнеров по СНГ. В связи с этим для Европейского союза Россия представляла проблему и потенциальный ресурс одновременно. Проблема состояла в экономической, социальной и политической отсталости России по сравнению с ЕС. Россия становилась единственным крупным соседом объединенной Европы, и попытки РФ к доминированию в странах СНГ неизбежно вели к столкновению с Евросоюзом, который провозгласил курс на «европеизацию» стран, расположенных между ЕС и Россией. С другой стороны, стремление ЕС играть роль глобального политического игрока невольно вело страны Запада к учету того фактора, что РФ с ее природными, геополитическими, геостратегическими, интеллектуальными ресурсами могла бы стать ценным партнером в усиливающейся конкуренции мировых «центров силы» [20. С. 20].

СПС предусматривал пятилетний переходный период, в течение которого Россия имела полное право вводить временные количественные ограничения на экспорт из стран ЕС с целью смягчения социальной ситуации в кризисных отраслях и защиты новых отраслей или видов производства. Однако почти сразу стало ясным, что этого срока недостаточно для завершения структурной перестройки и технологического обновления российской промышленности, и в дальнейшем Россия должна была решать труднейшую задачу совмещения защиты внутреннего рынка с либерализацией внешнеэкономических связей.

В целом, как оказалось на практике, СПС не в состоянии существенно стимулировать торговые отношения между ЕС и Россией. Давали о себе знать определенные проблемы. В частности, ЕС, несмотря на

признание переходного характера российской экономики, при проведении антидемпинговых мероприятий недостаточно учитывал сравнительные преимущества российской продукции, и тем самым страна продолжала подвергаться дискриминации [18]. И наоборот, ЕС считал неправильным, что с 1994 г. Россия повысила таможенные пошлины на ряд товаров из ЕС и создала дополнительные трудности в торговле путем введения тестов и сертификатов.

Действительно, ускорение взаимного открытия рынков могло бы придать новые импульсы для осуществления СПС и таким образом повысить его политическое воздействие. Однако в связи с тенденцией защиты собственных основных материалов и продуктов в уязвимых сферах производства (текстиль, сталь, ядерные материалы, алюминий и т.д.) становилось очевидным, что ЕС пойдет навстречу России только в ограниченных масштабах.

В России за прошедшие годы неоднократно ставился вопрос о том, будет ли ее руководство соблюдать баланс между открытием рынка и протекционизмом, баланс, позволяющий уважать нормы СПС и в то же время предохранять экономику от разрушительной иностранной конкуренции. Многие говорили о том, что Россия в будущем скорее пойдет на усиление защиты отечественных отраслей. Все это делало неизбежным возникновение напряженности в экономических отношениях ЕС и России. В равной степени это относилось и к конкуренции между ними на рынках стран СНГ.

С целью возрождения перспективных отраслей, работающих как на внутренний рынок, так и на экспорт, жизненно важной необходимостью становилась задача частичного перераспределения экспортных доходов и инвестиционных средств бюджета, а также создание потенциального режима для внутренних и иностранных инвесторов.

Основным направлением внешнеэкономической деятельности становилось ускорение темпов изменения структуры экспорта в пользу продукции обрабатывающей промышленности и высоких технологий. Поэтому необходимо было уделять больше внимания созданию импортозамещающих производств, повышению покупательной способности основной массы населения, а также поиску оптимального географического направления экспорта. В связи с этим предполагалось, что Россия будет активно стремиться к восстановлению и расширению своих торговых позиций в развивающихся странах, готовых покупать ее вооружение, а также некоторые виды промышленной продукции, уступающие по качеству, но более дешевые, а подчас и более простые в эксплуатации. В отдельные годы прогнозировалось некоторое сокращение удельного веса ЕС и Европы в целом как вероятный результат диверсификации внешней торговли России. Тем не менее этот регион должен был оставаться главным торговым партнером, что соответствовало интересам России как с экономической, так и с геополитической точки зрения.

Одним из ключевых направлений внешнеэкономического сотрудничества в обозреваемый период стала инвестиционная деятельность европейских компаний в России. В целом перспективы в этой области выглядели достаточно скромными, если сравнивать размеры ино-

странных капиталовложений в РФ с активностью инвесторов из западных стран в государствах Центральной и Восточной Европы или Китае, а также НИС АТР.

Иностранный частный капитал брал во внимание прежде всего отраслевой разрез – предприятия топливно-энергетического комплекса, черной и цветной металлургии. При этом делалась ставка на такой фактор производства, как дешевая рабочая сила. Рассматривались сопряженные затраты (чаще всего производства с высокой экономической нагрузкой). Определялись научно-технические критерии технологий ВПК.

Большую часть направленного в российскую промышленность капитала поглощал топливно-энергетический комплекс (21 % в 1995 г., около 50 % в 1997 г.), в то время как продолжала снижаться изначально не слишком значительная доля инвестиций в машиностроение (13,8 % в 1995 г., 8 % в 1996 г.) [23]. Становилось очевидным, что за исключением добывающей промышленности и добывающих отраслей иностранный частный капитал в ближайшее время если и будет отдавать приоритет, то только уже действующим предприятиям и закреплению на внутреннем рынке России.

Наблюдался также не всегда благоприятный для российской экономики характер иностранных вложений. Из общего объема иностранных инвестиций в 1997 г. в 10,5 млрд долл. лишь 1/3 была направлена в промышленность, примерно 2/3 прямо или косвенно пошла на финансирование спекулятивной деятельности. Участие нерезидентов на российском рынке ценных бумаг нередко использовалось для покрытия бюджетного дефицита. Прямые же иностранные вложения в реальном секторе не достигали и 5 млрд долл. в год [16].

Следовательно, для увеличения эффективности внешнеэкономической деятельности страны еще одной задачей становилось не только привлечение иностранного капитала в индустриальный сектор экономики, но и рост прямых иностранных инвестиций, вложение их непосредственно в расширение производства конечных товаров.

По мнению аналитиков, при наличии в России посредственного инвестиционного климата из-за политической и экономической нестабильности, несовершенного законодательства, отсутствия достаточных гарантий и защиты прав инвесторов очевидным становился факт, что приток иностранных инвестиций во всех формах, за исключением, может быть, инвестиций по соглашениям о разделе продукции, вряд ли существенно увеличится [10. С. 16]. Значительное влияние на инвестиционный климат в России оказывало отсутствие общей, продуманной государственной, инвестиционной политики и незавершенность формирования условий функционирования рыночной экономики.

Хотя Россия обладала повышенным инвестиционным потенциалом, в то же время здесь наблюдался высокий инвестиционный риск. С точки зрения инвестиционного потенциала, Россия объективно имела целый ряд неоспоримых преимуществ, в которых были заинтересованы зарубежные инвесторы: сравнительно низкую стоимость рабочей силы при достаточно высокой ее квалификации, большую емкость внутреннего рынка, наличие значительных сырьевых ресурсов, географическое положение между высокоразвитыми странами Европейского союза и растущими самыми быстрыми

ми в мире темпами странами АТР. Но будучи причиной того, что экономика России привлекала малый объем иностранных инвестиций по сравнению с объемом инвестиций, циркулирующих в мире, слишком высокий инвестиционный риск свидетельствовал, прежде всего, о неустойчивости социально-экономической ситуации в России в целом.

Это, в свою очередь, проявлялось, например, в отсутствии прав защиты. Кроме того, реализация правовых аспектов российскими органами отличалась полным произволом. Наблюдалась недостаточная защищенность от экономической преступности и коррупции (во многих случаях чиновники являлись и соучастниками противозаконных действий). Отсутствовал эффективный механизм правового регулирования и применения основных правил со стороны российских налоговых и таможенных органов, часто неоднозначные случаи истолковывались в ущерб налогоплательщикам. Существовали препятствия инвестиционной деятельности по отдельным видам налогов. Многие регионы ввели особые налоги, исчисляемые с оборота компании. Этот вид налогов должен был платить каждый предприниматель независимо от своего экономического положения и результатов деятельности. Валютное законодательство практически потеряло ясность в результате нормативного законодательства ЦБ РФ. Всякая, даже самая простая, экспортно-импортная сделка подчинялась множеству сложных регламентаций валютного законодательства, доступных только специалистам. Применение закона РФ «О сертификации продуктов и услуг» нередко приводило к широкому контролю товаров, который существенно затрагивал коммерческую деятельность в РФ.

Неурегулированность законодательной базы РФ в области иностранного инвестирования, особенно острая в результате недостаточного обеспечения гарантий инвестору, и игнорирование сложившейся международной инвестиционной практики стали одной из наиболее важных причин недостаточного инвестирования российской экономики зарубежными партнерами. Попытки правительства РФ устранить существующие недостатки законодательства страны путем создания новой нормативной базы не всегда приносили положительный результат. Так, например, Федеральный закон от 9 июля 1999 г. «Об иностранном инвестировании в РФ» определял основные гарантии прав инвесторов на инвестиции, получение определенной прибыли и организацию благоприятных условий предпринимательской деятельности на территории РФ. Закон был направлен на привлечение и эффективное использование в экономике РФ иностранных материальных и финансовых ресурсов, передовых технологий, управленческого опыта, обеспечение стабильных условий деятельности для иностранного инвестора и соблюдение соответствующего правового режима, инвестиционных норм международного права и международной практики внешнеэкономического сотрудничества. Однако данный закон не только не смог устранить существующие недостатки и улучшить инвестиционную привлекательность РФ, но создал дополнительные сложности для привлечения ПИИ. Закон содержал немало расплывчатых формулировок, что позволяло по-разному толковать важные

положения и тормозило формирование привлекательного инвестиционного климата в РФ.

Наряду с неэффективным режимом иностранных инвестиций в России и отсутствием надежных гарантий от риска европейских инвесторов нередко не устраивали и условия пребывания, а также деятельности иностранцев на территории РФ, в том числе обеспечение их личной безопасности. Поводов для претензий со стороны западных инвесторов и правительств было немало. Со своей стороны, российскому правительству приходилось решать, помимо указанных вопросов, две задачи: с одной стороны, воздействовать на распределение потоков иностранных капиталовложений, с тем чтобы они содействовали стратегии экономического развития России, с другой – согласовывать курс на привлечение зарубежных инвесторов с поддержкой молодого российского бизнеса. Здесь также наблюдалось неизбежное столкновение интересов. Но в целом, учитывая существовавшие негативные факторы и придерживаясь стратегии ограниченного присутствия, в долгосрочной перспективе западные инвесторы оценивали российский рынок как весьма привлекательный.

Суть данной стратегии заключалась в том, что иностранные инвесторы открывали свои представительства в РФ, занимались сбором информации и маркетинговыми исследованиями, изучали инвестиционные возможности предприятий и отраслей, а также местное законодательство.

Экономическое сотрудничество между Россией и ЕС далеко не исчерпывалось торговлей и инвестициями. В СПС были перечислены более 30 направлений, включая промышленность, сельское хозяйство, энергетику, строительство, транспорт, телекоммуникации, научно-техническую кооперацию, космос, информатику, окружающую среду, малые и средние предприятия, региональное развитие, обучение, социальную сферу, стандартизацию, туризм и т.д. Во всех этих областях имелись благоприятные возможности, причем в ряде из них прогресс мог быть достигнут быстрее, чем в торговле и капиталовложениях. Это было важно как с точки зрения возможных конкретных результатов, так и для поддержания общего благоприятного климата для сотрудничества.

Так, ЕС предложил России тесную промышленную кооперацию в рамках программы ТАСИС, созданной в 1991 г. с целью оказания технической помощи странам СНГ. Из средств этой программы Россия получала ежегодно более 60 %. Программа ТАСИС по своему характеру и целям соответствовала программе по поддержке стран Центральной и Восточной Европы, так что здесь со всей очевидностью проявилось намерение ЕС никогда не исключать из Европы при осуществлении своей концепции «интеграция и кооперация».

ТАСИС представлял собой программу по субсидированию передачи ноу-хау и консультативных услуг для поддержки экономических реформ, модернизации управления и развитию демократических структур. При этом целенаправленно осуществлялись согласованные действия по достижению эффективности путем сотрудничества с Советом Европы. Обе организации стремились увязать российское законодательство с нормами Совета Европы. С Москвой согласовывались

секторы, которым при оказании помощи предоставлялись преимущества.

Имелась в виду перестройка структуры предприятий, энергетика, транспорт и телекоммуникации, производство, переработка и сбыт продовольствия, поддержка коллективных мелких и средних предприятий, стимулирование сотрудничества в приграничных регионах, развитие человеческих ресурсов. Дополнительно к средствам, предоставляемым России на ее национальные нужды, она получала часть средств на обеспечение ядерной безопасности (сферу, которую ЕС сделал центральной в своих действиях). Особенно следует подчеркнуть, что программа ТАСИС не ограничивалась задачей поддержки Москвы и Московской области, но уделяла большое внимание развитию других регионов. Так, преимущественно партнерами ТАСИС в 1994 г. были юго-восток России и Калининград, а в 1995 г. – северо-восток России и регион Байкала. Далее особое внимание уделялось Санкт-Петербургу, Тюмени, Самаре, Западной Сибири и Уралу. ЕС учитывал то обстоятельство, что под знаком складывающихся рыночных отношений импульс для экономических реформ и развития внешнеторговых отношений в настоящее время все более связывается с собственным профилем развивающихся регионов, а не исходит исключительно из московского центра, который утратил большую часть своих полномочий по планированию и управлению.

По разным причинам в начале осуществления программы ТАСИС наблюдались проблемы. В частности, трудности в оказании консультативных услуг были связаны с предоставлением ограниченных средств на финансирование проектов (до 20 %). Однако дела изменились к лучшему во многом благодаря вмешательству Европарламента, и западные специалисты все больше стали включаться в консультирование. В ряде случаев консультирование, например, было связано с конкретными проектами по модернизации, которые финансировались международными финансовыми организациями – такими как Европейский банк реконструкции и развития, которому Международный банк реконструкции и развития делегировал свои полномочия по стимулированию проектов в России.

Таким образом, ТАСИС путем оказания консультативных услуг в сферах экономики, управления и развития демократии способствовала созданию определенных предпосылок для намеченного сотрудничества в промышленности и побуждала зарубежных инвесторов проявить готовность к инвестициям в России.

Наиболее перспективным направлением для России, несомненно, оставалось научно-техническое сотрудничество с западно-европейскими странами. Более 40 % научных обменов осуществлялось с Францией, ФРГ, Великобританией и Италией вместе взятыми [9. С. 82]. В 1997 г. 14 % публикаций российских ученых было издано совместно с научными работниками этих стран, что в 2 раза превышало показатель сотрудничества России с США и в 7 раз – с Японией. При этом сохранялась тенденция к росту доли Европы [21. С. 166]. За период с 1994 г. по март 2001 г. финансовое участие Евросоюза в программах по исследованиям и инновациям достигло 208 млн евро, охватив более 50 000 ис-

следователей. В сфере прямых научно-технических связей предприятий России Западная Европа играла ведущую роль: 4 % НИОКР проводилось совместно с европейскими компаниями. В середине 1990-х гг. в импорте технологий страны ЕС играли ведущую роль для России (почти 30 % его объемов) [15. С. 58].

Отличительной чертой научного сотрудничества с Западной Европой являлась большая роль надгосударственных структур как Европейского союза, так и не зависящих от него объединений. Это объясняется тем, что страны ЕС с 1986 г. проводили единую научную политику и с 2000 г. приступили к созданию Европейского научного пространства. Намного более затруднительным оказывалось заключать и выполнять договоры о международном научно-техническом сотрудничестве с отдельными европейскими странами в силу того, что стороны не могли прийти к соглашению относительно механизмов организации сотрудничества в связи с предпочтением работать непосредственно на уровне отдельных ученых без контакта с российскими организациями.

Говоря о развитии государственного научно-технического сотрудничества, необходимо отметить, что еще в конце 1989 г. между СССР, Европейским экономическим сообществом и Евроатомом было заключено соглашение о торговом и экономическом сотрудничестве, но сфера науки там не затрагивалась. Затем была создана первая программа технической помощи странам СНГ – ТАСИС. За все время работы в рамках ТАСИС осуществились 3 проекта, направленных на развитие научно-технического потенциала в России в условиях рынка с общим бюджетом в 10 млн евро. В основном целью этих действий было содействие изменению системы управления наукой в РФ и методов внедрения новшеств на производство. В 1993 г. была создана специализированная организация для оказания содействия в проведении совместных исследований европейских и российских ученых в области фундаментальных наук – ИНТАС. До 1996 г. эффективность ее была невысока, но позже с увеличением финансирования со стороны стран ЕС и Швейцарии ее роль для России заметно выросла. Особенно полезной для российских коллег она стала после создания специальной системы перевода средств непосредственно ученому в СНГ через Банк Москвы и местные банки.

После подписания «Соглашения о партнерстве и сотрудничестве» под научное сотрудничество была подведена юридическая база. В частности, в статье 62 «Наука и техника» оговаривались принципы участия в программах сторон и отводилась особая роль проблемам использования интеллектуальной собственности. Отдельно в документе упоминались приоритетные сферы совместных прикладных НИОКР: информационные технологии и космос (статьи 41 и 67 соответственно). Было решено координировать усилия по развитию обмена научно-техническими исследованиями, а также подготовке и обмену учеными и технологами.

При этом ничего не было сказано о применении результатов НИОКР в промышленности, что показывало трудность для обсуждения данной проблематики. В течение 1994 г. для российских ученых впервые открылась возможность участия в некоторых научно-технических инициативах Европейской комиссии, таких как

«Коперник-94» и «ПЕКО-94». Впоследствии сотрудничество в рамках этих программ развивалось на основе двухгодичных программ. При этом распределение подпрограмм для совместных исследований и их координации склонялось в сторону первых (соотношение в 1994 г. – 1468 против 162 и в 1996 г. – 1716 против 215). В течение ряда лет можно было проследить следующие тенденции в количестве профинансированных научных областей сотрудничества с Россией: постепенно информационные и коммуникационные технологии опускались в списке приоритетов с 1-го на 2-е и затем – на 5-е места (1994, 1996 и 1998 гг. соответственно). В то же время проекты, связанные с производством и новыми материалами, постоянно находились вверху списка приоритетов (3-е, 1-е и 2-е места). Биотехнологии же поощрялись все больше и больше – 5-е место в 1994 г., 4-е – в 1996 г. и 1-е – в 1998 г. Эти факты можно было объяснить тем, что в области программного обеспечения и связи Россия все заметнее отставала от потребностей Европы, переходившей на новый технологический уклад, либо самостоятельно, либо с помощью других стран, в которых информационные технологии были или более развиты (США) или дешевле (Индия). Касательно производственных технологий, здесь российская наука традиционно была сильна, и военная и сырьевая группы отраслей поддерживали исследования на мировом уровне в течение всех 1990-х гг. Биотехнология приобретала все большее значение из-за растущей озабоченности ЕС как собственными экологическими проблемами, так и их предотвращением и разрешением на территории страны, непосредственно прилегающей к новым и старым членам Союза. Важным для международного научно-технического сотрудничества стал 1997 г., когда вступило в силу СПС, начались переговоры о подписании отдельного договора по международному научно-техническому сотрудничеству и было заключено крупное соглашение между правительством РФ и европейским космическим агентством о создании представительства в Москве. Тогда же была развернута сеть информационно-консультативных центров для поощрения международного научно-технического сотрудничества с ЕС в российских регионах. Для повышения эффективности координации международного научно-технического сотрудничества с Россией со стороны стран-членов ЕС был создан специальный орган – ISCONIS, функционировавший с 1997 г. Основной объем научных исследований стран ЕС с РФ в области фундаментальных наук приходился на физику, астрономию, астрофизику, науки о земле и экологию, а также науки о жизни. В 1999 г. на финансирование совместных программ были наложены политические ограничения, когда же они были сняты в 2000 г., начался диалог по снижению их количества для повышения финансирования каждого проекта.

В 1999 г. было подписано соглашение о международном научно-техническом сотрудничестве между ЕС и РФ, вступившее в силу в 2001 г. В документ был включен образец договора по разделению прав при проведении совместных НИОКР. Отдельно оговаривались льготные условия налогообложения и таможенной проверки средств и материалов для совместной научно-технической деятельности. Был создан Совместный комитет по

сотрудничеству в сфере науки и технологий для наблюдения, регулирования и предоставления информации качественно научно-технических связей России и ЕС.

На уровне отдельных стран, за редким исключением проектов в рамках инновационной организации ЭВРИКА, объединявшей частные компании, между РФ и государствами-членами ЕС осуществлялось инновационно-технологическое сотрудничество. Правда, участие России ограничивалось НИИ и вузами Москвы и Московской области в сфере машиностроения, био- и информационных технологий. Как правило, это было не что иное, как воплощение российских разработок в зарубежной продукции. В целом страны ЕС были заинтересованы практически во всех областях науки и постепенно увеличивали свое присутствие в инновационной отрасли промышленности России, но фирмы и НИИ РФ с трудом выходили на европейские рынки.

Во второй половине 90-х гг. XX в. начинает меняться и политика России в АТР. Наряду с тем что РФ продолжала придерживаться всех международных актов, подписанных в прошлом представителями СССР, поскольку международное сообщество признало Россию в качестве правопреемницы, РФ проводила свою политику в Азии с учетом изменившегося соотношения национальных интересов независимо от идеологических соображений и придавала особое значение экономическому сотрудничеству [4. С. 77]. Поэтому при разработке стратегии внешнеэкономической политики России и особенно интеграции ее в мировое хозяйство важное внимание в конце XX – начале XXI в. уделялось развитию экономического сотрудничества и торговых связей со странами АТР, хотя доля азиатских государств дальнего зарубежья во внешней торговле России составляла всего 16,6 % (17 % в экспорте, 16,1 % в импорте), тогда как их доля в мировом экспорте достигала 30 %, а доля инвестиций восточно-азиатских стран в Россию равнялась всего лишь 2,5 % от их общего объема [5. С. 153].

Во многом это объяснялось тем, что тот уровень кооперации для выработки единой стратегии экономической политики по отношению к России, как это можно было наблюдать с государствами Европейского союза, странами АТР не был достигнут. Цели отдельных азиатских стран в дальнейшем развитии экономических взаимоотношений с РФ значительно отличались. В такой ситуации России крайне сложно было осуществлять экономические связи в регионе и выстраивать какую-либо стратегическую линию интеграционной направленности.

Кроме того, период экономического сотрудничества с рядом развитых стран региона (Южная Корея, Гонконг, Тайвань) был слишком не долгим. Сказывался также и длительно существовавший информационный вакуум (будь то Россия или страны региона) об условиях ведения бизнеса у предполагаемого партнера [24].

Несмотря на это становилось очевидным, что АТР для России представляет собой перспективное стратегическое направление продвижения на мировой рынок и, используя свое геостратегическое положение, РФ может стать важным звеном мировой экономической системы, связывающим рынки Европы и стран АТР. За счет использования мощного потенциала государств АТР

кооперация со странами региона могла бы дать толчок развитию производительных сил Сибири и Дальнего Востока, позволив осуществить инвестиционные проекты, пока неподъемные для России, но жизненно необходимые для развития этих регионов. Страны АТР, в свою очередь, были заинтересованы в использовании природно-ресурсного потенциала России, в частности регионов ее восточной части. Таким образом, эти регионы дополняли бы друг друга и способствовали общей интеграции РФ в АТР и мировое хозяйство.

Необходимо отметить, что реальное экономическое сотрудничество между Россией и странами АТР осуществлялось не только и не столько на высшем политическом уровне, сколько находило воплощение в действиях конкретных регионов РФ с их законодательством и определенными особенностями инвестиционного климата. Вопросы сотрудничества предприятий зарубежных стран и РФ, организации производства с участием иностранного капитала, оказания инвестиционной и научно-технической помощи, усвоения опыта менеджмента и создания социальноориентированного рыночного хозяйства эффективно решались, как правило, на местном уровне.

Выстраивая отношения со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, как «евразийская» держава Россия должна была ставить перед собой жизненно важную задачу – поднять политическое и хозяйственное сотрудничество с АТР до уровня, достигнутого Россией в Европе.

Если в начале 1990-х гг. российские национальные интересы больше совпадали с интересами США и Европы, то потом укрепилось понимание их близости с КНР, Индией и ЕС. И хотя нередко на словах приоритет принадлежал странам СНГ, а реально – ЕС, с США хорошие отношения рассматривались как необходимость, при этом постоянно подчеркивалась важность экономических и политических отношений с Азией. Перемены целей властных структур объяснялись сменой президентов, премьер-министров, министров и другими факторами.

В то же время в силу экономических и политических причин Россия уже не могла выстраивать свои отношения с такими государствами региона, как Вьетнам, Монголия, Северная Корея на тех же принципах, что и СССР. Действовать с позиции осуществления «взаимной дружественной помощи» не представлялось возможным в том числе и потому, что во многом именно благодаря действию такого принципа произошло накопление долгов этих стран бывшему СССР и Россия в новых обстоятельствах была вынуждена пересмотреть основу своих экономических связей с той же Северной Кореей и Монголией.

В «Концепции внешней политики Российской Федерации» 2000 г. подчеркивалось: «Важное и все возрастающее значение во внешней политике РФ имеет Азия, что обусловлено прямой принадлежностью России к этому динамично развивающемуся региону, необходимостью экономического подъема Сибири и Дальнего Востока» [13].

Выстраивая внешнеэкономическую концепцию, необходимо было исходить из того, что европейская часть российской экономики объективно традиционно больше тяготела к Европе, к сотрудничеству с ЕС. Сибирь с

ее топливно-энергетическим, сырьевым и металлургическим комплексами также больше была обращена на Запад – на европейскую часть РФ и ЕС (экономические грузопотоки из Сибири главным образом до недавнего времени шли в европейскую часть российской экономики и далее в Европу). Дальний Восток геоэкономически и с точки зрения вектора хозяйственных связей находился ближе к Северо-Восточной Азии и АТР.

Дисбаланс между богатыми природными ресурсами и малонаселенностью стал стратегической слабостью российского Дальнего Востока и Сибири, особенно ее восточной части. Этот дисбаланс не позволял рассчитывать на формирование емкого сибирского и дальневосточного рынка и собственных накоплений, необходимых для создания современной экономической инфраструктуры и эффективного использования природных ресурсов в целях социально-экономического развития данных регионов. В то же самое время большинство регионов Сибири принадлежало к числу субъектов РФ с наиболее высоким уровнем социально-экономического развития. Дальневосточные субъекты РФ в массе своей относились к числу российских регионов с наименее благополучной социально-экономической обстановкой.

В условиях ограниченного федерального бюджета в Сибири прирост промышленного производства обеспечивался за счет собственных инвестиций, главным же источником развития российских дальневосточных территорий стал внешний фактор. Доля внешней торговли в экономике Дальневосточного региона была значительно больше (15 % регионального ВВП), чем в экономике Сибири (10 % регионального ВВП). И вообще, 60–80 % дальневосточной экономики было ориентировано на развитие торговли с азиатскими странами, нежели с европейской частью России или Сибирью [30]. Дальний Восток имел свободный доступ к морским путям сообщения с зарубежными торговыми партнерами, Сибирь фактически была лишена самостоятельного выхода на внешние рынки. Внешние связи Дальний Восток поддерживал в основном со странами США.

Учитывая значимость внешнего фактора в экономике Дальневосточного региона, в 1996 г. была принята федеральная программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на период с 1996 по 2005 г. Главная цель этой программы сводилась к интеграции российского Дальнего Востока в регион Северо-Восточной Азии и определению его места в рамках внутреннего российского распределения рабочей силы.

Анализируя перспективы развития этих двух крупнейших регионов РФ, некоторые специалисты стали высказывать мнение, что для федерального правительства было бы более разумным рассматривать и контролировать Сибирь и Дальний Восток в качестве единой системы, так как Сибирь вполне может выполнять роль «экономического клея», не позволяющего Дальнему Востоку экономически отдалиться от России [33]. Традиционно Сибирь и Дальний Восток обладали потенциально высоким предложением энергетических ресурсов, в то время как АТР, развивающийся очень активно, нуждался в таких ресурсах и демонстрировал потенциально высокий спрос на них. Согласно прогнозу Международного агентства по энергетике, к 2010 г. спрос на нефть в АТР должен увеличиться на 64,4 % (в два раза больше, чем в

среднем по всему миру) и достигнуть 3,75 млн т нефти в сутки, тогда как всего в мире суточное потребление нефти будет равняться 13,3 млн т. Что касается предложения нефти и газа со стороны России, то, согласно информации обзора «Бритиш Петролеум», запасы нефти в России составляли 6,7 млрд тонн, а газа – 48,1 – трлн м³ (более 1/3 мировых запасов), тогда как на страны АТР приходилось менее 5 % мировых запасов газа и нефти. Рост спроса на газ в этом регионе оценивался примерно в 70 % [22. С. 20]. Это особенно важным оказалось для Сибири, так как если речь шла о глобальном рынке, то рынок газа был географически ограничен из-за соотношения между ценой газа и его транспортировкой. Нефть легко можно было купить на мировом рынке, но 80 % газа продавалось в довольно ограниченных ареалах, «привязанных» к местам его добычи. Важнейшим источником поставки газа для растущей экономики АТР становилась, в том числе, и азиатская часть России. В то же время развитие нефтяных и газовых ресурсов Сибири и сооружение сети нефте- и газопроводов, а также линий передачи электроэнергии могли стать основой экономической интеграции России в АТР.

Наиболее перспективными партнерами в этом плане считались страны, имеющие большие потребности в российских энергоносителях в силу экономической безопасности и рискованной зависимости от нефти Ближнего Востока, – Китай, Япония, Южная Корея, США.

Таким образом, в конце XX в. европейская часть российской экономики и в значительной степени Сибирь были представлены в АТР как составные части глобальной российской экономики. При этом глобальный характер экономики РФ ограничивался рынками нефти, газа, редкоземельных металлов и весьма небольшим набором высоких технологий (оборудование для АЭС, самолеты, военные технологии). Дальневосточная экономика России в отличие от европейской части РФ и отчасти Сибири, напротив, была представлена в АТР как экономика региональная. Поэтому стратегия России в АТР в XXI в. должна была строиться, исходя из двойственного положения ее в этом регионе: как глобальной экономики и как экономики региональной, представленной в этом качестве экономической российской Дальнего Востока и в определенной степени Сибири. Практика показала, что основными российскими «игроками» на мировом, в том числе азиатско-тихоокеанском, рынке стали нефтегазовые компании, банковские структуры, челноки, военно-промышленный комплекс, экспортеры космических услуг, экспортеры энергетического оборудования, получатели иностранных инвестиций, региональные власти. Их интересы требовали равноценного учета в российской внешнеэкономической стратегии.

Сами регионы РФ, находящиеся в азиатской ее части, определяли следующим образом главные цели, касающиеся процесса формирования стратегии внешней политики России на восточном геостратегическом направлении:

1. Сохранение и укрепление инфраструктурной роли России в мировой экономической системе с использованием особого геостратегического положения Сибири и Дальнего Востока.

2. Укрепление позиций России на рынке энергоносителей и энергии в странах АТР.

3. Определение реальных путей выхода регионов Сибири и Дальнего Востока на рынки стран АТР с высокотехнологичной и наукоемкой продукцией.

4. Создание эффективного механизма привлечения инвестиций, опирающегося на развитую банковскую систему, финансовые и фондовые рынки Сибири и Дальнего Востока.

5. Твердая защита Сибирско-Дальневосточных регионов от бесконтрольной массовой миграции из сопредельных государств, прежде всего из Китая.

6. Обеспечение национальной безопасности РФ на ее восточных рубежах [17. С. 6].

Учитывая специфику России и отдельных субъектов РФ, расположенных в азиатской части, особые надежды при этом возлагались на форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Будучи членом этого форума, Россия имела реальную возможность интегрирования не только в азиатско-тихоокеанскую региональную экономику, но и глобальную систему экономических связей, ибо, как показывает анализ деятельности АТЭС, на встречах различного уровня, включая министерский, форум оказывал всяческую поддержку России в ходе переговоров с ВТО по поводу включения РФ в эту организацию. Более того, несмотря на все имеющиеся отклонения от первоначально намеченных целей, интенсивный рост экономической взаимозависимости стран-участниц АТЭС позволял надеяться на их своевременное достижение [8].

Становилось очевидным, что успех попыток России интегрироваться в АТР во многом зависел от того, насколько российская экономика значима для региональной экономики, будь то уровень двусторонних отношений или же уровни субрегиональный и региональный. Именно поэтому в среднесрочной перспективе Россия должна была принимать активное участие в экономической и финансовой интеграции на региональном уровне в рамках АТЭС, а также на субрегиональных уровнях и в первую очередь в деятельности Восточно-азиатского форума. В 2002 г. Россия стала инициатором проведения во Владивостоке седьмого инвестиционного симпозиума и третьей инвестиционной ярмарки, что привело к проявлению определенного внимания со стороны инвесторов стран-членов АТЭС к проектам российского Дальнего Востока и пониманию со стороны России характера мер, необходимых для улучшения инвестиционного климата в стране в целом.

В то же время участие России в процессе принятия решений в рамках АТЭС было ограничено в силу того, что, она не являлась членом ВТО. Сдерживающим фактором стал и незначительный масштаб включения РФ в деятельность рабочих групп форума (главным образом из-за структуры государственного бюджета). Лишь на высшем политическом уровне Россия была представлена довольно широко (деятельность и участие В. Путина в работе ежегодных встреч на высшем уровне).

Краткосрочные цели РФ также увязывались с текущей работой России в АТЭС и развитием двусторонних отношений с соседями по региону. Особенно со странами Северо-Восточной Азии, так как именно здесь располагались практически все ведущие в экономическом плане государства – Япония, Китай и Южная Корея. В формате двусторонних отношений приори-

тетными партнерами России и должны были выступать эти страны, а также США [24].

При этом отношении Японии к России не отличалось каким-то особым интересом. Так, японский подход к инвестициям в российскую экономику состоял в том, чтобы осуществлять их вместе с американскими компаниями, имея возможность в случае возникновения каких-либо проблем в России опереться на помощь США. Японский капитал активно работал в Индонезии, Венесуэле, Мексике, Иране, делая ставку на энергетические ресурсы этих стран. Относительно России стратегия заключалась в том, чтобы создать нечто вроде плацдарма на будущее. Для улучшения отношений с Японией необходимо было, чтобы Россия стала более открытой страной, а японские бизнесмены чувствовали себя в ней более уверенно. Япония была активным участником созданного США, ЕС, РФ и Японией в 1992 г. Международного научно-технологического центра (МНТЦ) для использования в гражданских отраслях бывших военных ученых и инженеров и ежегодно с начала его работы вносила около 20 млн долл. на конверсию российской военной науки. Но Япония крайне осторожно относилась к присутствию на российском наукоемком рынке, при этом научные связи были довольно слабыми. Она была заинтересована в НИОКР РФ в сфере космоса и мирного использования атомной энергии. Об этом говорилось еще в Московской декларации, подписанной в 1992 г. Специально созданная российско-японская комиссия курировала в 1994 г. 39 проектов в 12 областях и 70 – в 1999 г. Традиционно МНТЦ с Японией зависело от межгосударственных отношений и проходило по каналам Министерства внешней торговли и промышленности. В силу политических причин коммерческое сотрудничество в сфере высоких технологий началось только в 1997–1998 гг., после встреч Б.Н. Ельцина и Р. Хасимото. К этому времени большинство интересных российских технологий было уже скуплено компаниями других стран, россияне научились охранять результаты своих исследований и поэтому наиболее распространенной формой передачи российских технологий стали совместные предприятия. Кроме того, нужные Японии трудо- и ресурсосберегающие технологии в РФ почти отсутствовали. Поэтому 50 % ПИИ шло на конструирование атомных реакторов, а остальное – на электронику и новые композиционные материалы.

С Южной Кореей дело обстояло по-иному. Позиция Южной Кореи заключалась в том, чтобы стать реальным конкурентом Японии. Кроме того, у нее оставалась проблема объединения страны. Для достижения этой цели Южная Корея намеревалась развивать экономическое сотрудничество с Россией и Китаем, рассчитывая на их посредничество в отношениях с Северной Кореей. Республика Корея была единственной страной НИС, с которой Россия поддерживала сколько-нибудь постоянные отношения в научно-технической сфере. Начало сотрудничеству было положено еще в 1990 г. Во время визита в Москву президент Ро Де У, который подписал соглашение об МНТЦ с СССР, был создан комитет по координации МНТЦ и установлены прямые связи между предприятиями и НИИ. Государственный комитет по науке и технологиям (ГКНТ) СССР опреде-

лил 30 совместных проектов с Миннауки РК, оформленных в комплексную программу научно-технического сотрудничества на 5 лет. Началось сотрудничество с Корейской академией промышленных технологий. В начале сотрудничество характеризовалось большой активностью частных компаний в попытках наладить производство в России. Например, с начала 1990-х гг. в Улан-Удэ на бывшем заводе ВПК налаживали производство телевизоров LG, но местные власти не дали ему развернуться. Аналогичная ситуация повторилась в 1997 г. со сборкой джипов «Hundai Gallore» в Барнауле. Видя эти примеры невосприимчивости российских предприятий к инновациям, компания LG предпочла создать в Москве свое представительство и привлечь российских научных работников к прикладным исследованиям. Данная форма сотрудничества показала себя наиболее долгосрочной. Корея стремилась диверсифицировать свои источники новых знаний и в течение 1990-х гг. было создано 5 совместных НИИ на территории России в областях авиастроения, новых материалов, кораблестроения, металлургии и науковедения. Намечалось создание консорциума по проблемам оптики.

В создании последнего принимал участие Центр исследований и статистики науки (ЦИСН) Миннауки РФ и Корейский институт научно-технической политики. Основным акцентом во взаимодействии с РК была коммерциализация российских технологий.

Отношения России и США в начале XXI в., как и на протяжении второй половины XX в., в основном были сосредоточены в сфере международной и национальной безопасности. По мере укрепления экономической мощи России и расширения ее международного влияния, а также смещения центра внимания внешней политики США в Восточную Азию привлекательность РФ в качестве партнера возростала.

Участие России и Китая в АТЭС, в целом сумевших урегулировать свои приграничные трения и создать условия для долгосрочных отношений, а также переход Китая от политики «открытости» к политике интеграции в глобальные и региональные рынки создавали новые возможности для российско-китайских отношений. Стороны получали шанс скорректировать понятие двустороннего стратегического партнерства в свете требований экономической глобализации и регионализации и дополнить его такими компонентами, как координация политики обеих стран в отношении АТЭС, согласование путей создания общего рынка в Северо-Восточной Азии. Китай оценивался и как реальный поставщик продовольствия и товаров народного потребления России, и прежде всего в районы Сибири и Дальнего Востока. Потенциально Китай рассматривался и как источник инвестиций для развития этих же регионов.

Отмечалось также, что это самый емкий на ближайшие годы внешний рынок сбыта продукции российского машиностроения. Для Китая Россия становилась стратегически важным источником необходимых сырьевых ресурсов (в первую очередь энергетических) и передовых научно-технических разработок. Китай покупал у России нефть и газ, но в силу отсутствия хорошо проработанного соглашения относительно ежегодного количества кубометров поставляемых неф-

ти и газа процесс двусторонних отношений в данной области не отличался большой эффективностью для РФ. 20 млрд м³ газа и 16 млн т нефти, ежегодно доставляемых Россией, не приносили нашей стране реальной прибыли [33].

В начале 90-х гг. XX в. по объему торговли с Россией на первом месте стояла Германия, а Китай был вторым, затем он стал самым крупным торговым партнером России. Если же учесть неформальную торговлю и контрабанду, то объем российско-китайской торговли постоянно увеличивался [24]. У Китая прослеживались два уровня отношений с Россией. Первый – официальный, межгосударственный. Здесь наблюдалось увеличение технологического обмена, рост экспорта военной техники из России в Китай в обмен на китайские потребительские товары. Так, в 1999 г. было заключено соглашение, поднимающее техническое и военное сотрудничество между Россией и Китаем на более высокий уровень. По этому соглашению предполагалось за пять лет с 2000 по 2005 г. довести российский экспорт вооружений в Китай до 5–6 млрд долл. США. Соглашения подобного характера выгодны обеим сторонам, так как Китай нуждается в российских военных технологиях, а РФ необходимы денежные ресурсы КНР для поддержания своего военно-промышленного комплекса. Второй уровень – инвестиции малого бизнеса Китая в Россию, в частности, в освоение природных ресурсов – нечто вроде «киосочной экономики». И если первый уровень вел к укреплению российско-китайского сотрудничества, то второй – к многочисленным проблемам.

В целом потребности национальных экономик и экономической интеграции в АТР нацеливали КНР и РФ на осуществление ряда крупных взаимовыгодных проектов, реализация которых была бы возможна при активном участии и взаимной политической поддержке обеих сторон: поставка углеводородного сырья из России через Китай в Японию и Южную Корею; Туманганский проект; создание трансконтинентального транспортного моста из Юго-Восточной Азии в Европу и на Ближний Восток. Первоначально казалось, что серия двусторонних встреч между Китаем, Японией, Южной Кореей и Россией в конце 1997 г. вполне достаточна для выработки решения без необходимых правил, норм и практики многостороннего характера. Эта «многосторонность без правил» привела к полному непониманию сторон в ходе встречи в Москве в 1997 г., в которой участвовали Россия, Япония, Китай, Южная Корея и Монголия. Переговоры в течение двух дней демонстрировали достаточно широкий спектр отличных друг от друга мнений. Хотя по итогам встречи и был подписан многосторонний меморандум относительно изучения возможности проведения трубопровода из Ковыктинского месторождения природного газа в Китай, Южную Корею и Японию, он не вызвал чувства полного удовлетворения у участников переговоров. После финансового кризиса в АТР позиции сторон стали еще более взвешенными и осторожными. Только в июне 2001 г. в ходе визита посла Республики Корея в РФ и президента Когаса – крупнейшей газовой компании РК – в Иркутскую область было заявлено, что Республика Корея рассматривает Ковыктинское месторождение в качестве наиболее благоприятной сферы приложения

капитала и будет способствовать активизации своей деятельности в этом проекте. В июне 2001 г. японские предприниматели также посетили Иркутск, чтобы изучить возможность участия в Ковыктинском проекте.

С начала 1990-х гг. на уровне межгосударственных отношений развивалось МНТС с Китаем, особенно в технологической сфере. Активно велся обмен специалистами между государственными научными центрами (ГНЦ) РФ и академиями и НИИ КНР.

В рамках подписанного в 1992 г. соглашения о научно-техническом сотрудничестве с 1993 г. ежегодно заседали подкомиссия по МНТС, согласовавшая к 1999 г. почти 300 совместных проектов. Из них 70 % было выполнено.

В 1998 г. после успешного проведения семинара «Освоение новых и высоких технологий в Китае и России» была создана первая российско-китайская показательная база сотрудничества по внедрению новых и высоких технологий в г. Яньтай провинции Шандун. При этом необходимо было выработать механизмы инновационного взаимодействия с целью продвижения российских технологий с помощью китайского производства на рынок. Под базу была отведена часть территории уже существующего с 1992 г. промышленного парка из 300 предприятий из 30 стран, введен в строй инкубатор для СП и построен жилой комплекс для российских специалистов. В 1999 г. министры науки технологий двух стран подписали соглашения об охране и распределении прав на результаты исследований и активизации связей в инновационной сфере.

Китайские руководители и директора предприятий заявляли о намерении закупать у России как высокие технологии, так и товары на их основе. Недостаточное доверие к добросовестности выполнения условий контрактов и проблемы с вывозом финансов из КНР сдерживали развитие этих связей.

В целом анализ развития конца XX – начала XXI в. показал, что Россия не смогла должным образом среагировать на исходящие из Азиатско-Тихоокеанского региона стимулы – сложившийся емкий внутренний рынок, существующие современные технологии, наличие потребности в машинном и энергооборудовании, имеющийся потенциал взаимодополняющих экономических структур, сформировавшийся транспортный коридор на Запад, географическая близость и т.д. Ослабление внимания к азиатскому вектору экономического взаимодействия со стороны федерального правительства стало одной из причин депрессии восточных регионов России, оттока населения в ее европейскую часть. Требуя от властей сибирских и дальневосточных регионов проведения конверсионной политики, так как именно здесь располагались крупнейшие предприятия военно-промышленного комплекса, выполняющие главную миссию доперестроечной России на Тихом океане – военную, центральное правительство не выделяло необходимого количества федеральных денег.

В то же самое время последствия биржевого кризиса в странах Юго-Восточной Азии (ЮВА) стали сдерживающим фактором развития экономических и торговых связей в регионе. В частности, ожидалось некоторое снижение импортных операций в странах АТР и некоторое увеличение экспорта в связи с удешевлени-

ем региональных валют (экспортные цены на продукцию обрабатывающей промышленности в долларовом выражении снизились в среднем на 1,5 пункта).

Одним из очевидных последствий девальвации валют стран ЮВА, имеющих непосредственные торговые связи с Россией, явилось повышение эффективности и расширение возможностей так называемого челночного импорта из государств региона. В связи с этим перед Россией встала проблема: как неорганизованный импорт сделать организованным?

В целом основными факторами, сдерживающими развитие внешнеторговых связей и экономических отношений России и стран АТР во второй половине 1990-х гг., были следующие: продолжающееся снижение экспортного потенциала России, уменьшение материало- и энергоемкости производства в странах с относительно развитой экономикой; резкое повышение транспортных издержек внутри страны, что лишало российские товары конкурентоспособности; нарушение производственных связей между российскими производителями; переход на расчеты в конвертируемой валюте (со значительным числом стран региона расчеты строились на основе клиринга); резкое снижение объемов строительства за рубежом на условия госкредитов и резкое снижение масштабов технического содействия [11. С. 89; 12. С. 58].

Большую роль в подъеме экспорта по всем товарным группам, и прежде всего по промышленным изделиям, могли сыграть практически не используемые Россией, но широко применяемые в мировой практике прямые инвестиции в создание за рубежом производств, ориентированных на местные рынки и экспорт в третьи страны. В ряде стран для этих целей можно было использовать долговые обязательства по кредитам бывшего СССР (например, в Китае, Вьетнаме, Индии, КНДР). Именно страны Азии и АТР с их льготным режимом иностранного инвестирования были оптимальными объектами для вложения России.

То же самое можно было сказать и об импорте капитала. Многие страны АТР по некоторым аспектам могли бы стать для России более предпочтительными инвесторами, чем развитые государства Запада. Компании НИС и многих развивающихся стран региона обладали значительными финансовыми возможностями, а их оборудование отличалось хорошим качеством, достаточным уровнем технологии и сравнительной дешевизной, что могло стать оптимальным вариантом для инвестиционного сотрудничества.

Кроме того, АТР в рассматриваемые годы являлся крупным экспортером предпринимательского капитала. По оценкам специалистов, размеры потенциальных инвестиционных ресурсов составляли для страны АСЕАН примерно 110 млрд долл., для Японии – 120 млн долл., для Южной Кореи – 80 млн долл. Основными сферами приложения капитала были обрабатывающая промышленность, строительство, торговля, гостиничное хозяйство и кредитно-финансовая сфера.

Совместное производство товаров народного потребления, радиоэлектроники и бытовой техники могло бы стать еще одним перспективным направлением сотрудничества. Ряд стран АТР, и в первую очередь Китай, были основными получателями экономического содействия, оказываемого Россией зарубежным странам. Однако масштабы производственно-инвестиционного сотрудничест-

ва значительно отставали от потенциальных возможностей и потребностей партнеров. Суммарный объем экономического и технического содействия, оказываемого Россией 36 странам, составил на конец 1996 г. 589 млн долл. и на конец 1997 г. – 782 млн долл. [1. С. 52].

Интерес представляли налаживающиеся с 1997 г. связи со странами ЮВА. В июне 1997 г. в Москве состоялась первая встреча России и государств АСЕАН в рамках объединенного комитета по сотрудничеству. Вторая встреча прошла в июне 2000 г. В ходе первой встречи была создана рабочая группа по науке и технологии и выделены шесть основных сфер действий: инвестиции и экономическое сотрудничество; наука и технологии; охрана окружающей среды; туризм; развитие человеческих ресурсов; взаимодействие народов РФ и государств Ассоциации. На второй встрече Россия проявила интерес к возможной помощи странам АСЕАН в выполнении ими ханойского плана совместных действий.

Обе стороны согласились инициировать практические шаги, такие как обмен официальными представителями. 13 апреля 2000 г. в Куала Лумпуре проводился совместный форум Россия – АСЕАН, целью которого стало увеличение торговых операций и инвестиционной деятельности посредством интенсификации контактов между представителями частного сектора сторон. При этом из всех стран-членов АСЕАН именно с Малайзией сотрудничество в области технологического трансферта и программ по коммерциализации было наиболее динамичным. На состоявшейся в апреле 2000 г. презентации в рамках Российско-малазийского технологического форума 12 из 32 российских проектов были отобраны для заключения контрактов [31]. В 2002 г. рабочая группа по вопросам торгового и экономического сотрудничества России и АСЕАН, проходившая в Москве, выработала ряд решений относительно усиления бизнес-контактов, обмена информацией по условиям торговли и инвестиционного режима сторон. В сентябре 2002 г. в ходе третьей встречи в рамках деятельности объединенного комитета по сотрудничеству Россия заявила о том, что она будет поддерживать Ассоциацию в процессе региональной интеграции. На протяжении 2002–2003 гг. обе стороны были озабочены проблемами безопасности как на глобальном, так и на региональном уровнях. Во многом это было связано и с тем, что развивать плодотворное сотрудничество в области экономики и торговли, а также способствовать экономическому развитию и процветанию можно было только в условиях стабильной политической ситуации в регионе. Этот вопрос и АСЕАН и Россия неоднократно поднимали на различных встречах не только в формате своих отношений, но и в рамках саммитов АТЭС, хотя при этом лидеры того же Таиланда и Малайзии настаивали на том, что прерогатива форума – экономические проблемы, а не политические (например, обсуждение ситуации в Северной Корее, на чем активно настаивали США в ходе саммита в Таиланде в октябре 2003 г.). В сентябре 2003 г. министрами иностранных дел РФ и АСЕАН была принята совместная декларация, обеспечивающая партнерство в области мира, безопасности, процветания и развития в АТР [29].

В АТР имелся целый ряд международных экономических проектов, осуществляемый под эгидой ООН и других международных организаций, а также в рамках межправительственных, многосторонних соглашений. Это касалось и различных «треугольников роста», и создания свободных экономических зон в регионе. Шло осуществление международных программ по развитию торговли, транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, охране окружающей среды и т.п. Россия участвовала в региональном проекте по развитию бассейна реки Туманной (Россия, КНР, КНДР, Республика Корея, Монголия). Главной целью данного проекта было ускорение социально-экономического развития входящих в эту сферу регионов. Проект также был призван обеспечить реальное вовлечение российского Дальнего Востока в интеграционное экономическое сотрудничество со странами АТР.

Кроме этого, эксперты выделяли еще четыре возможных крупных инвестиционных проектов, в которые необходимо было вовлечь страны АТР:

а) развитие ресурсного и производственного потенциала целых регионов азиатской части России (например, участие в программе освоения Нижнего Приангарья, формирования Восточно-Сибирского нефтегазового комплекса, создание восточного коридора транспорта энергоресурсов и др.);

б) проекты использования транспортно-географического потенциала Сибири с учетом геополитического положения России в мирохозяйственной системе: привлечение иностранных инвесторов к преобразованию Транссиба в скоростную межконтинентальную магистраль, реконструкции существующих и созданию новых дальневосточных морских портов, превращению Северного морского пути в международную водную магистраль с использованием смешанных перевозок «река–море» и др.;

в) участие российского капитала в странах АТР (в частности, сооружение ГЭС в Китае, освоение месторождений полезных ископаемых, сооружение трансазиатских железнодорожных магистралей);

г) развитие новых производств в технопарковых (инновационных) и свободных экономических зонах с использованием наукоемких технологий и привлечением смешанного или иностранного капитала.

Таким образом, в качестве евроазиатской державы Россия в конце XX – начале XXI в. стремилась к развитию сбалансированного сотрудничества, как со странами Европы, так и с государствами Азии, в частности АТР. Поэтому при выработке внешнеполитической и внешнеэкономической концепции России во внимание бралась необходимость проведения активной политики как на азиатском, так и на европейском направлениях. В связи с этим главная стратегическая цель первоначально увязывалась с превращением РФ в связующее экономическое, финансовое, культурное, цивилизационное звено европейской и азиатской экономик. Наиболее перспективным в этом плане представлялось сотрудничество на межрегиональном уровне. Но, говоря о данной стратегической цели России, необходимо было учитывать малую заинтересованность европейских стран в том, чтобы полностью интегрировать Россию в свои структуры как полноправного партнера.

С началом нового века в России все отчетливее стала проявляться тенденция перехода от попыток немедленной интеграции в Западную Европу и поиска нового равновесия с ней к политике, в центре которой находилась идея самоусиления преимущественно посредством экономической модернизации. В ходе следования этому курсу РФ демонстрировала как возрождение интеграционного синдрома после событий 11 сентября 2001 г., так и «многополярного подхода» в период иракского кризиса 2003 г.

Хотя постепенно становилось ясным, что не только конфронтация с Западом, но и интеграция с ним уже не является актуальной. Россия, отвергнув «особый путь» в экономике и идеологии, отчетливо обозначила стремление к внешнеполитической и стратегической самостоятельности. Несовместимость политических режимов и политических культур, сущностные различия между специфическим российским капитализмом и западной экономической системой, ценностный разрыв – все это указывает на то, что интеграция с ЕС затянется на длительный срок.

Но становилось ясным, что если РФ останется периферией развитого мира и будет перекачивать туда свои ресурсы, то это приведет к ее деградации. В то же самое время нельзя было бросать вызов передовым странам Запада и отказываться от заимствования новейших технических достижений, а также сокращать сотрудничество, особенно в условиях, когда Европейский союз стал фактически единственным соседом России на Западе. Тем более поддерживать партнерские отношения с западными странами вынуждала и угроза той же китайской экспансии. Именно стратегия, направленная на развитие человеческого потенциала и наукоемкого производства, на завоевание благоприятных внешнеполитических и внешнеэкономических условий позволяла России, как это мыслилось первоначально, стать «мостом» между европейскими и азиатскими странами, не объединяясь ни с первыми, ни со вторыми. Но практика свидетельствовала, что идея «моста» между Востоком и Западом сама по себе оказалась бесплодной, а самое главное – невостребованной. Россия, в соответствии с прогнозами, на «обозримую перспективу останется самостоятельной единицей».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азия и Африка сегодня*. 1997. №10.
2. *Бордачев Т.* Тетра incognita, или Европейская политика России // Pro et Contra. Внешняя политика России: 1991–2000. Ч. II. 2001 (осень). Т. 6, № 4.
3. *Борко Ю.* Россия и Европейский союз: ближние и дальние перспективы партнерства // МЭИМО. 1999. № 6.
4. *Воскресенский А.* «Стержень» азиатского азимута внешней политики России // Pro et Contra. Внешняя политика России: 1991–2000. Ч. II. 2001 (осень). Т. 6, № 4.
5. *Вопросы экономики*. 1997. № 5.
6. *Внешняя торговля России в 2000 г.* // Внешнеэкономический бюллетень. 2001. № 4.
7. *Внешнеэкономический комплекс России: современное состояние и перспективы* // Внешнеэкономический бюллетень. 1997. № 2.
8. *Гончаренко С.* Россия и АТЭС // МЭИМО. 1998. № 10.
9. *Гохберг Л.* Российская наука: интеграция в глобальные процессы // Человек и труд. 2000. № 11.
10. *Еришов Ю.* Что мешает инвестициям в России? // Инвестиции в России. 2000. № 2.
11. *Жеребилов В.А.* Российско-китайские экономические отношения: время перемен // Внешнеэкономический бюллетень. 1998. № 7.
12. *Кикабидзе Э.* Внешнеэкономические связи России с некоторыми странами – членами АСЕАН // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 6.
13. *Концепции внешней политики Российской Федерации*. 2000 г. <http://www.international.tsu.ru>
14. *Мальгин А.* Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации // Pro et Contra. Внешняя политика России: 1991–2000. Ч. II. 2001 (осень). Т. 6, № 4.
15. *Миндели Л., Заваарухин В.* Международные аспекты российской инновационной политики // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 5.
16. *Министерство экономического развития и торговли*. <http://www.economy.gov.ru>
17. *Российский орел обращает внимание на Восток?* // Финансы в Сибири. 1997. № 11.
18. *Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010)* // Евро. 2000. № 4.
19. *Тиммерман Х.* Европейский союз и Россия: перспективы партнерства. Новые импульсы для сотрудничества // Развитие интеграционных процессов в Европе и Россия. М.: ИНИОН РАН, 1997.
20. *Тренин Д.* Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке // Pro et Contra. 2004. Т. 8, № 3.
21. *Шапошник С.Б.* Международное научное сотрудничество России: библиометрическое исследование // Науковедение. 1999. № 1.
22. *Финансы в Сибири*. 1997. № 10.
23. *Экономика и жизнь*. 1998. 21 мая; 2001. 30 апреля.
24. *Amirov V.* Russia and East Asia: Problems and prospects for economic co-operation // Russian and Euro-Asian Bulletin. 2001. Vol. 10, № 2 (March-April). <http://www.cerc.unimelb.edu.au>
25. *Action plan* // President of European Commission. Brussels, 1996. June.
26. *Baranovskii V.* Russia and Europe: the emerging security agenda. Oxford, 1997.
27. *Borko Y.* Russia and EU relations in the 21st century: Four possible scenarios // The European Union Review. Pavia, 1997. Vol. 2, № 3.
28. *External and Intra-European Union Trade*. Statistical yearbook. 1958–2000. Brussels-Luxembourg, 2000.
29. *Joint declaration of the foreign ministers of the Russian Federation and the Association of South Asian nations on partnership for peace and security, and prosperity, and development in the Asia-Pacific region*. Phnom Penh. 19 June 2003.
30. *Mikheev V.* Asia for Russia or Russia for Asia? International consortium of APEC Study centers conference.-TEDA, China, Tianjin, 2001. May 18. <http://www.apecsec.org>
31. *On Russia-ASEAN cooperation fund's activities in Malaysia*. <http://www.interlex-moscow.com>
32. *PCA*. http://www.europa.eu.int/comm/external_relations/ceeca/pca/pca_russia.pdf
33. *Sevastyanov S.* Multilateral Economic Cooperation as a Asset in Integrating the Russian Far East in to the Asia Pacific Region. <http://www.isanet.org>
34. *Statistic on Russia development and trade*. <http://www.europa.eu.int/comm/trade/pdf/russia/pdf>

Статья представлена кафедрой мировой политики исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 4 ноября 2004 г.